

18+ Лара Василенко

Сеул в моем сердце

Лара Василенко

Сеул в моем сердце

<https://litres.ru/74590507>

ISBN 9785007143509

Аннотация

Однажды обычная девушка встречает весьма необычного парня. Её зовут Нина, его — Сон, и он кореец. А что, если они полюбят друг друга...

Содержание

ДЕВУШКА ИЗ ARMY	5
Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сеул в моем сердце

Лара Василенко

© Лара Василенко, 2026

ISBN 978-5-0071-4350-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕВУШКА ИЗ ARMY

Часть 1

Самолет начал набирать высоту и я начала перебирать череду ужасных мыслей в своей голове, и последующая мысль отнюдь не отличалась от предыдущей, каким-либо благополучным исходом. Что если, во время полета откажут двигатели, и мы разобьемся, так и не долетев до Сеула? Что если в воздухе мы врежемся в какой-нибудь высокогорный пик? И будут потом, на этом высокогорном пике отдирать наши останки по кусочкам, броня нас и задаваясь вопросом, зачем же нам понадобилось лететь в Сеул. И еще куча таких же не хороших мыслей, всплывавших поочередно, в моей голове, шатая мое хрупкое подсознание, то вправо, то влево. И все, все эти ужасные мысли возникали, лишь только из-за того что я до чертиков боюсь летать и боюсь высоты. Хотя, много чего я еще боюсь, и перечислять того чего я боюсь, думаю не стоит, ибо на это уйдет не одна страница, и не мало времени, но в свое оправдание скажу, боролась с этими чувствами страха я очень долго. И чтобы я не делала, и чем бы себя, не тешила, увидь я самолет, вертолет или еще что летит или взмывает ввысь, то почему-то тут же охватывала меня паника, и тут же я начинала сочувствовать всем летящим, хотя вряд ли, кто-то из них думаю я, посочувствует мне. А если я видела мойщиков окон или вообще, тех кто по надобности или по ненадобности тоже карабкается вверх, то мое сердце

и вовсе уходило в пятки, что оттуда не очень-то скоро и возвращалось! А про бейсджамперов, я и говорить не хочу! Надо же иметь столько сил, чтобы не думать о риске красочно в печататься об асфальт, и столько наглости, чтобы плевать на мнение окружающих!

Анна, моя коллега и по совместительству лучшая подруга, тоже летевшая в Корею, знала про мои страхи, и проявляла заботу, настолько гиперактивно, что каждые пять минут вонзала локоть мне в ребра. А учитывая ее весьма солидную комплектацию, то каждый удар ощущался как отбойный молоток.

— Да, не сердись ты! Я из лучших побуждений! — радостно оправдывалась Анна.

И каждый раз я ей верила! Ведь если в человеке есть маффины, кексы, капкейки, круссаны, пироги и прочие-прочие сладости всех видов и размеров, то просто на просто, там нет место многому чему, в том числе плохому и злему. Потому что плохое и злое, элементарно — не вкусно! Да и оптимизм Анны, который раза так десять больше самой Анны, просто вытеснил бы, все некрасивое, невкусное и не вызывающее аппетит, сразу.

Довольно таки рано осиротев, Анна воспитывалась бабушкой. Конечно же, она, бабушка став для Анны и мамой и папой, она ни на секунду не забывала, что все же является бабушкой. И в итоге на внучку обрушилась лавина безусловной любви, в виде нескончаемых килокалорий, что к трид-

цати двум годам, Анна набрала такой внушительны вес, что порой и не вмещалась в многие проемы. И так как ее излюбленным делом был шоппинг, то не все магазины одежды радовались ей. Любая другая бы тут же впала бы в депрессию, но нет не Анна. Моя большая подруга — во всех смыслах этого слова — искренне радовалась возможности устроить шоу. Не знаю, были ли продавщицы этих магазинов знакомы с законом о прав потребителей, но законы кое-чего другого, они сразу запоминали наизусть, как и саму Анну в том числе.

— Все спят! — склоняясь ко мне, тихо шепчет Анна, — пора за работу!

— За какую работу? — удивленно спрашиваю я. — Разве в самолете, нужно работать? — От негодования у меня сводит скулы, — от десяти часового полета, прошло часов от силы две или три. И вместо того чтобы спать, как остальные нормальные... — еще от негодования я перевожу дыхание, — пассажиры, мы должны вкалывать?

— Ну, да! Пассажиры спят, но Джим-то, не спит! — уставилась на меня Анна, тараща свои огромные глаза.

О, боже, Джим! Проклятый Джим! Наш напыщенный, эгоцентричный, самовлюбленный босс Джим, не спит.

— От него сообщение пришло?

— Да! Этот кусок... милосердия, прислал сообщение, — кивнула Анна, а потом иронично добавила, — и в тексте нет, нежных пожеланий крепкого сна.

— За то там есть наверняка страстное пожелание, поэкс-

плуатировать нас!

— М-да... приблизительно что-то в этом роде! — сморщилась Анна с таким видом, будто съела лимон целиком. Стало ясно, работать нам придется.

— Ох, дай бог, чтобы я его при встрече чисто «приблизительно» не придушила! — рывкнула я, на весь салон.

Рывкнула так, что несколько пассажиров тут же испуганно обернулись в мою сторону, и на что я тут же натянула дурацкую улыбу. Ведь не заслужили, бедолаги эконома класса услышать много неллицеприятных вещей от которых уши просто вянуть, про пассажира который летит бизнес классом, и может быть потягивает дорогое шампанское, которое они и в жизни не купят.

— Нина, я тоже мечтаю об этом каждую секунду! Мечтаю нежно взять его за горло и сжимать до тех пор, пока он не забудет все буквы подряд. — Анна бойко сжала кулаки, что аж пальцы хрустнули, — но увы, это наша работа, Джим наш босс, и он платит нам.

— Анна, ты святая! — невнятно буркнула я, поняв, что в бизнес классе придется отдуваться мне. Ведь при всей моей безграничной любви к Анне, ее выдающиеся во всех смыслах достоинства не вписались бы ни в эстетику бизнес класса, как и в проем бизнес класса, ибо он был загадочно узок. «Неужели все богачи питаются исключительно воздухом, сиянием бриллиантов, и запахом денег? Хотя, много что блещит, да и деньги говорят, не пахнут, но богачи на то и бога-

чи, чтобы позволить себе много что!» подумала я и направи-
лась, встав с места в салон бизнес класса.

Помню, один раз, когда мы летели в Торонто, и как обычно Джим летел бизнес классом, он подозвал меня, ибо Анна немного захворала, чтобы дать несколько ценных поручений. И вот, в тот момент, когда я усердно записывала каждое его поручение и каждое его слово, нам, то есть Джиму, немолодая бортпроводница подносит поднос. И несмотря на то что, все мое внимание было сосредоточено на поручениях Джима, я поняла, я бы тоже, не отказалось бы от такого вот подноса, на котором аккуратно в стопочку были сложены печенки и конфетки, и пирамидкой были нарезанные бананы и апельсины. И ладно бортпроводница у нее нет инструкций, кормить нас бедных, но Джим, этот скряга Джим, и бровью не повел, не то чтоб, вообще угостил! Нет, я люблю Анну, и не позволю ранить ей сердце!

— Нина телефон возьми! — едва успела я встать, как Анна одергивает меня.

— На кой черт мне телефон? — брыкаюсь я, и вправду, зачем мне телефон, тетрадку же я как обычно взяла.

— Он всегда, что-то та подсчитывает, и не дай бог, что счет будет не точен.

— Какой счет, какие точности, мы в самолете летим в прекрасную страну, и вообще кроме кресел и пассажиров, что можно посчитать?

— Не спорь, со мной! Я его знаю, лучше тебя и много

лет! — строго насупилась Анна, что рядом с нами летевшей пассажирки, маленькой, но очень миленькой корейки, аж суставы вздрогнули (хотя причины могут быть и иные), и я поняла, Анна не шутит, Джим псих. На всю голову!

— Ладно! — соглашаюсь я и беру телефон.

Практически весь салон мирно спал, и лишь пара-тройка пассажиров уткнувшись носами в свои смартфоны, бодрствовали и ничего не замечали. Пронесись по проходу слон, пританцовывая джамбо, они бы этого не заметили, как и самого слона в том числе. Но мне надо было все равно пройти в бизнес класс, на цыпочках, затаив дыхание, и не задев никого! Пробираясь с самого конца самолета, я все же осознаю, Джим и в экономе сильно сэкономил. Потому что оглянувшись назад, я понимаю, что наши места в хвосте, точнее не в хвосте, а в...

— В задницу тебя, Джим! — цежу я сквозь зубы, и наконец, добираюсь до заветной шторки темно-серого цвета. И не успеваю я войти, как тут передо мной вырастает бортпроводница, вполне себе высокая, милая и явно не собиравшаяся меня впускать в бизнес класс.

— Куда вы? — не громко спрашивает она.

— Туда! — пальцем указываю на салон бизнес класса.

— Зачем? — недоверчиво щурит глаза бортпроводница.

— Мне надо к боссу! У него несколько поручений, и если я их не получу... — отвечаю я, как-то невнятно, и понимаю, что это, по каким-то причинам кажется, точно не дозволи-

тельно.

— Пассажирам эконо́м класса, запрещено заходит в бизнес класс!

— Что... то есть... почему? — спрашиваю я, хотя, хотя почему-то никак не удивляюсь, тому, что услышала.

— Наша кампания, этого не допускает лишь по одной причине! — мило улыбается она, и вся ее строгость и недоверчивость, по волшебному мановению, куда-то исчезает, — дабы понимать, что переплачивать за билет и яйца выеденного не стоит.

— Как я понимаю, это скрытый лозунг вашей кампании?

— Именно! Официальный звучит по-другому!

Ну разумеется, я вспомнила, на глянце́вых буклетах с размером фюзеляж, официальный лозунг, звучал вовсе иначе. Там были тонны каких-то обещаний и хорошего настроения, но увы, с нашим Джимом, никакого хорошего настроения нам и в помине не видать как и спокойного полета, и хорошо что Анна, заставила меня взять мой телефон. Ведь эта милая бортпроводница, при всей ее очаровательности во второй раз, точно бы не впустила в салон бизнес класса.

К моему удивлению, она, бортпроводница не заставила себя долго ждать. Видимо вошла в мое положение.

— Все в порядке! Проходите! — сказала она на секунды высунувшись из плотных штор.

— Спасибо, спасибо! — восторженно зашипела я.

— Бегите уже, — поторопила она. — А то если нас пойма-

ют, мне тоже придется объясняться со своим руководством, хотя в отличие от вашего босса, наш босс, сущий ангел, кажется...

— О-о-х! — глубоко выдыхаю я и иду.

Оказавшись в бизнес классе, меня мгновенно настигает культурный шок. А потом, волной обрушивается запах дорогого парфюма, вперемишку с запахом алкоголя, дорогого такого, выдержанного. Пространство здесь столько, что меж рядов можно и вальсировать и маршировать одновременно. И в отличии от нашего салона, где все забито в притык словно мокрые салфетки, здесь пассажиров потчуют исключительно по-королевски! Вот это да! Вот бы мне так летать!

И еще одна деталь, которую я заметила, в экономе мы сидели при заливающем свете, а здесь царил полумрак, даже шторка разделяющая салоны, была наглухо задернута. Видимо, богачи в темноте отлично шарят, нежели чем мы, люди незажиточные. В общем как мне кажется, найти Джима будет нелегко. Мало того, что тут темно как в пещере, так еще и высоченные изголовья кресел, что просто усложняет задачу, так как Джим далеко не великан, он просто болван, удачно затерявшийся среди роскоши и богатства.

Заклучив весь воздух в себе и набравшись храбрости, я начинаю идти мимо рядов, коих на мое счастье оказалось не много, легонько озирая всех пассажиров, дабы зацепиться взглядом о лысую макушку Джима, которую он усердно прячет под копной, своих жиденьких волос. Шаг два, три, четы-

ре и вот он, вальяжно расположился в мягком кресле, с широким подлокотником, на котором уместится, кажется много что и больше, и не то, что наши подлокотники, эконом класса, куда и муха не приземлится, абы там, не на что приземлятся.

С завистью, признаюсь смотрю я на этих богачей, который спят в удобных креслах, и над ушами которых не ревет чей-либо вечно орущий ребенок и никто локтем не впивается друг о друга. Блаженный, блаженный у них сон, и почему же в это блаженство не провалился, Джим?

Джим поднял голову, сдвинул брови и тихо отчитал. Это было в его духе, сначала отчитать, потом дать напутствие, хотя, как мне кажется, второе никак не отличалось от первого, и в конце загрузить работой.

— Прошло пятнадцать минут, как я отправил вам сообщение! — огрызается Джим, волком смотря на меня.

— Пятнадцать! — кажется мои брови взлетели очень высоко.

— Да, пятнадцать! — тыкает он на свои часы, в золотой оправе.

— Больше не повторится, мы больше... — едва слышно пролепетала я, но Джим по своему обыкновению ничего не слушает и продолжает.

— Каждая минута стоит денег, а каждый час стоит больших денег! Не вам ли это не знать, Нина! Лучшая выпускница университета!

Я не знала, куда себя деть, а он не знал, что находится не в своем офисе. И откуда же, думаю я, у него столько деспотизма, или это компенсация того, что он не высок, не красив и физически убог, хотя одно все же стоит признать, он знал свою работу и был достаточно умен, чтобы гонять без передышки нас, его рабов, то есть, на него работающих. Конечно, еще парочка фраз было опущено в мой адрес и в адрес Анны тоже, но, благо все когда-то имеет свойство заканчиваться. Указав пробежками, что надо делать и что посчитать, он хлопнул крышку ноутбука, и махнул головой на выход, как бы подавая знак, что мне пора. И пожелав мысленно ему не сладких снов, я пятясь назад, медленно оборачиваюсь, как вдруг...

Как вдруг я запутываюсь в своих же собственных ногах и прямо-таки плюхаюсь на одного спящего пассажира. Какой позор! Какая же я неповоротливая! Господи, вселенский разум, сделай так, чтоб пассажир на которого я так неловко свалилась, не проснулся. Но нет, не успеваю я увернуться и сообразить, как же выйти из этой неловкой ситуации, как вижу что пассажир на которого я только что упала, стягивает с себя маску для сна и удивленно смотрит на меня, будто на него не человек упал, а какое-то несусветное существо. И первое, что мне приходит в голову, не то чтобы встать и извиниться, и как можно скорее покинуть салон, а то что, неужели, я его спугнула? Неужели, я такая страшная?

— Извини! — бормочу я пытаюсь изобразить на лице по-

добие некой улыбки.

— Окей! — отвечает он смиренным голосом, что кажется для меня, весьма странным. Упал бы кто на меня, я бы заорала так, что меня услышали бы и за пределами земли.

— Как-то неловко получилось, — оправдываюсь я и решаю встать и в отчаянной попытке пытаюсь за хватиться обо что-либо, но теряю равновесие и вновь плюхаюсь на него. И к моему удивлению, он снова смиренно смотрит на меня.

Как же так получается, что мне ни встать, ни откинуться, а ведь в прошлом я спортсменка, баскетболом занималась как-никак, несмотря на то, что я не очень-то высокая и не очень-то сильная. И вообще, как так получается, что и последующая моя попытка не венчается успехом.

— Что вы делаете? — вдруг изумленно спрашиваю, хотя логичнее было бы услышать этот вопрос от него.

И не дождавшись ответа, который думаю должен был бы последовать, я внезапно обнаруживаю, что смотрю в его раскосые глаза, цвета темной карамели, и кажется он тоже смотрит в мои глаза, которые наверное на лоб вылезли от удивления. Боже, какие глаза, думаю я.

Неловкий момент продлился ровно до той секунды, пока он легким щелчком не освободил край моей блузки от силиконового крючка.

— Ой! — чувствую, как глупая улыбка, ползет по моему лицу.

— Все нормально! — говорит он и обнажает свои белые

ровные зубы.

Боги, боже! Как он красив! Какая у него потрясающая улыбка!

Превозмочь себя и гордо встать, я могла бы в ту же секунду, но кажется на меня тоже словно что-то упало, и явно это не стыд и позор, а то бы я испарилась бы мгновенно! Видимо, падение незнакомок для него не в первой, ибо в его оправдание можно сказать, что он ужасно красив, и думаю, это весомый повод. Либо он, чертовски галантен от природы, что абсолютно, мне кажется, не вяжется ни с ним, ни с его привлекательной внешностью.

Он аккуратно приподнял меня и начал подниматься сам. Тут я и вовсе потеряла дар речи! Высокий, отлично сложен, каждый рельеф, каждый мускул на месте, потрясающая улыбка, и глаза, которые так и завораживают...

Как бы не сойти с ума!

— Не будет ли у вас опасений, насчет ушибов? — мягким бархатистым голосом, поинтересовался он, что слегка, честно говоря, удивляет меня, и я должна была что-то ответить, но его пристальный взгляд окончательно добил, мои способности мыслить.

— Мм... надеюсь... обошлось... то есть... нет я...

«Не ранена, не травмирована, не получила никаких ушибов, увечий!» все это лихорадочно строчил мой голос в голове, но ничего этого я выдать не смогла! Ведь передо мной ожила картинка, картинка из моих далеких детских фанта-

зий. Высокий, статный, словно богами сотворенный молодой человек, с глазами цвета темной карамели стоял передо мной. Но с той лишь разницей, что он был кореец. А корейцы, то есть кореец, прости господи, даже в техническом плане не присутствовали, в моих далеких фантазиях.

— Я бы на вашем месте поостерегся, — заявляет он на безупречном английском, который звучит, будто он много лет жил в Англии. — И кстати, бортпроводницы прекрасно обучены первой помощи.

В ответ я лишь киваю головой, как болванчик на витрине, китайский товаров. Мой мозг, мои мысли окончательно куда-то отлетели! Потому что этот кореец, выглядел так, что буквально только что сошел с обложки глянца. Такое в природе не бывает, Нина очнись...

— Нет, нет! Со мной все в порядке! — заученно твержу я, пытаюсь вернуть и мысли и голову и себя саму в том числе в состояние человека разумного, как вдруг слышу, басистый на редкость противный голос Джима:

— Нина! Ты еще здесь?

Он, Джим обернулся так, словно вместо шеи были у него шарниры, ведь не один нормальный человек, не способен на такие анатомические трюки. И в этот момент я убеждаюсь, у Джима щедедушно абсолютно все — от характера до его скромного тельца, которое кажется, держалось исключительно на упрямстве самого Джима, и никак иначе.

Не знаю, сколько часов мы летим, но работы оказалось так много, что мы с Анной и вовсе забыли, что летим, летим в Корею, и рядом с нами не офисные сотрудники. И еще вдобавок нам пришлось сделать сверку вторично, найдет хоть одну ошибку Джим, то найдет и такие слова, что мы с Анной долго потом в себя приходить будем.

— Хвала небесам! Мы закончили! — заявляет Анна, устало откидываясь, и я вижу, как взмок ее любимый сарафан пурпурного цвета.

— С тебя можно соки выжимать? — с иронией говорю я, на что Анна с иронией и отвечает.

— Почему соки Нина, плантаций два, три можно оросить! Видишь, скоро дождем пойду!

— Кажется, мы работали целую вечность, — соглашаюсь я и понимаю, что тоже далеко не ушла от Анны, и выжалась как лимон тропический, и теперь чувствую что отекаю от бессилия и усталости.

А потом я почувствовала, как глаза начали постепенно слипаться, намекая на то, что пора бы мне и отдохнуть и Анна тоже уже во всю, приготовилась отойти ко сну. Но почему-то мне тут же впасть в вожденный сон, у меня как-то не получалось. Мой мозг и разум внутри, против моей воли, предательски принимают дорисовывать образ того самого парня на которого я нечаянно свалилась! И естественно, Анна не я о своем злключении рассказывать не стала, ведь, Анна в отличии от меня натура более романтическая, что казаться

чревато, чем ее огромный аппетит. И честно говоря, мне самой не хотелось о нем говорить, ведь шанс увидеть его снова, равен нулю и как-никак у пассажиров бизнес класса отдельный вход, как и выход.

И вообще, мало ли что, что он обаятелен, сейчас таких обаятельных можно встретить на каждом шагу, и современная медицина шагнула так далеко, что хочешь не хочешь можно стать красивой, благо был бы кошелек тугой. Да и вся его трогательная забота — чистой воды сублимация от скуки. Я бы тоже ни на такой подвиг пошла бы, сядь я среди унылых снобов и лысых дяденек. И вообще парню захотелось поиграть в супергероя, нынче это тренд. Увидел наверное себя в обтягивающем трико и с развевающимся плащом, за спиной!

Тем самым утешая себя, я постепенно начинаю засыпать...

Глаза смыкаются, руки опускаются, дыхание выравнивается — я готова просто рухнуть в царство Морфея и позабыть о работе, о Джиме и обо всем на свете, как вдруг чувствую, что меня кто-то усердно за руки трясет. Этого еще не хватало! Джим подослал кого-то, чтобы мы ненароком не уснули? Да, боже, не надо же быть таким извергом. Ей богу, я сейчас закричу!

С трудом открываю глаза и вижу ту самую бортпроводницу. Слышу, как она что-то щебечет. Зачем, она меня будит, зачем я ей понадобилась? Неужели, узнали, что она помогла

пройти мне в бизнес класс и это милая девушка получила выговор? Боже, долечу я до Кореи или нет?

И тем временем, глядя на нее, я понимаю, что что-то и вправду случилось. Она была так взволнованно и взбудоражена, что говорила то на английском, то на корейском. И видимо, дело было в Джиме, если бы получила выговор, пришла бы не одна!

Наверняка это снова Джим нас подзывает к себе, учуял гад, что мы уснуть собрались. Вот урод, чтоб он в аду горел! И видимо, те корейские слова, которых я не поняла, были обращены именно в его адрес. Бедная девушка, она не знает бранных слов на английском, а их так много...

— Это мой босс? — скривившись, спрашиваю я, но в ответ она качает головой, что конечно сильно удивляет меня. Как так, это не Джим? Кроме Джима, нас некому подзывать!

— Нет, это не ваш босс! Это Сон!

— Кто? — удивленно спрашиваю я.

— Сон! — повторяет бортпроводница и заявляет, — у него ваш телефон.

Действительно, ощупав себя и взглянув в сумочку, я понимаю, моего телефона и вправду, нет. Какая же я неряха! Сначала свалилась на какого-то пассажира, а потом и вовсе, телефон уронила. Но не успела я что-то ответить, как понимаю, что в меня тычет Анна.

— Она сказала, что твой телефон, который ты уронила, нашел Сон?

— Да, да! — вместо меня отвечает бортпроводница.

— Что? — глаза Анны выкатились из орбит, а лицо приняло такую гримасу, будто она услышала что-то неправдоподобное. — Нина, скорее, вставай, и забирай свой телефон! И как следует, поблаговари Сона, а если он позволить то сфоткайся с ним, обязательно!

— Извини что сделать? — прихожу я в полное недоумение. Кто вообще такой этот Сон? Почему я должна с ним сфотографироваться? — Мой телефон, у того, на кого я случайно упала? — вдруг осенило меня.

— Так ты еще и на него упала? — Анна приходит в полнейший восторг.

От реакции Анны, как кажется, и я прихожу в полный... восторг. Откуда, она, Анна может знать этого Сона? Он что, знаменитость, какая-та? И почему я, об этом ничего не слышала? И откуда вообще, Анна знает корейских артистов? И не кажется ли мне, что они чуточку да похожи друг на друга. Ведь когда объявили посадку, и целая толпа корейцев хлынула в самолет я и вовсе подумала, что они все друг другу братья и сестры.

— Ты знаешь, его? — оборачиваюсь я к Анне.

— Его все знают! — восклицает Анна.

И тут я понимаю, что про Корею, я много чего не знаю. Как и не знаю, про корейцев! Да и те, о которых я слышала, и вовсе не оказались корейцами!

Я снова иду в тот отсек, который отделяет бизнес класс

от эконом класса, чтобы снова увидеть Сона, которого, как выяснилось, знают все, кроме меня! По пути с бортпроводницей я поделилась предположениями, насчет ее слов на корейском, и допустила что это было сказано в адрес Джима, и любезно предложила написать, несколько не очень красивых слов на листке, на что бортпроводница мило улыбнувшись, ответила, заверив меня.

— О, бранных слов я знаю отлично! И поверьте мне, не только на английском!

В свете он был еще более привлекателен и обаятелен, отчего я кажется, снова готова была потерять дар речи. Вытянутый, подтянутый, с развернутыми плечами, рельеф которых уверенно выпирал из под темной футболки, с забавной надписью.

— Снова привет! Это, кажется твое! — протягивает он мой телефон, и я вижу, что руки у него более загорелые, чем он сам, и замечаю шрам, размером сантиметров, пять так шесть. Странно, думаю я, отчего может быть, этот шрам.

— Да! Это мой! — тут же отвечаю я и понимаю, что мои руки, слегка дрожат, и кажется, он, Сон, это замечает.

А потом осознаю, что в моей голове вихрем начинают кружиться мысли, и зарождается такой сумбур, что просто невозможно расставить все по местам. Почему же, он не передал телефон через кого-то, а пришел сам, хотя вполне мог так поступить? И почему он не зол на меня, ведь и я могла бы на-

нести ушиб или увечье! И чем же он так знаменит, что узнала я об этом только сейчас? Ведь не живу же я в глухом отшибе цивилизации или в бескрайней пустыне — у меня как у любого человека есть телевизор и всякое такое, а от смартфона я и вовсе не отлипаю, да так что он уже стал продолжением меня и моей руки. Не будет даже преувеличением сказать, что я потребляю террабайты новостей каждодневно, и чуть ли наизусть знаю, где и что произошло! И еще много чего и кого я знаю: знаю — певцов, артистов, неталантливых артистов, вечно врущих политиков, хайпующих инфлюенсеров, миллионер, миллиардеров, глав государств, блогеров, фриков всех мастей, и много-много кого еще! И тут вдруг появляется он, которого все знают...

— Честно говоря, я бы и не заметил, если бы будильник не сработал. И ты не поверишь, он целых четыре часа пролежал у меня на боку. Не разбудил ли я тебя или целых четыре часа, ты была так занята, что забыла про свой смартфон. Не уж-то ли была занята спасением человечества?

— Какое человечество! Мне бы саму себя спасти! — округлив глаза, воскликнула я. — Босс такое навалил, что отгребать пришлось не мало! И видимо, я была действительно занята, что аж напрочь забыла про свой телефон.

«И про тебя» — хотела я добавить иронично, но вовремя прикусила язык, потому что волна смущения накрыла меня. Рядом с ним кажется дезориентируются многие, особенно девушки.

— Телефон — не продолжение человека, можешь мне поверить, это всего лишь прогресс, который затеряется в последующем прогрессе, — говорит он и смотрит на меня, словно пытается уловить что-то — Однако, рановато ты встаешь, будто кажется что и не спишь! Иногда человеку стоит хоть один раз проспать! Это прикольно, вот увидишь.

На последних словах его голос почему-то сникает, а в воздухе виснет неловкая пауза, и я содрогаюсь. То ли от глубины его мысли, то ли от того, этот отсек разделяющий наши салоны с его серыми шкафами и бесконечными выдвижными ящиками, не то место, где проявляется поистине настоящий романтизм.

Надо ретироваться! Срочно! Пока меня не затянула, романтика! Ведь такое, в жизни, в природе... практически не случается! Ведь не может же человек быть и красивым и умным и хорошим, привлекательным, обаятельным и еще, думаю много чем, одновременно! Не может! Это из ряда вон выходящее событие! И Корея все же, как я знаю, не находится в другом измерении!

— ... я бы мог посоветовать лучшие места в Корее, где можно отдохнуть от всего: от суеты, обыденности и посторонних глаз. Где можно хоть на время позабыть о гаджетах, которые полностью захватили нашу жизнь. И вообще я бы показал те уголки, куда не заходят туристы, и не стремятся заглянуть местные. И не потому что, там опасно, грязно или заброшено, а потому что там, нет ни намека на со-

временный уклад, от которого уже устали глаза. Там есть — ты не поверишь! — настоящее умиротворение, гармония с природой и с самим с собой.

— Ушам не верю! Ты словно кусочек рая описал! — восторгаюсь я от услышанного, хлопая ресницами. Если послушать других парней, то кроме эгоизма и эгоцентризма ничего и вовсе не услышишь.

— Я не знаю, как выглядит рай! — пожал он плечами, — но я точно знаю, где находятся эти места. Могу скинуть тебе геолокации.

Что? Он просит мой номер? Сон, которого знают все, и которого, как оказалось, не знаю только, почему-то я, просит мой номер? Да Нина, кажется тебе крупно повезло! Нина, Нина, не упускай свой шанс!

— Я бы с удовольствием, но... — боже, в моем подсознании кучу фейспалмов так и летят безостановочно. Ну, Нина, ну возьми ты себя в руки, дай ему свой номер, черт побери! Когда тебе, то есть мне, очередной раз, снова повезет? Да, нет, конечно не повезет! И если повезет, то не факт, что очередная звезда, на кого ты плюхнешься, будет таким же добрым и милым как он, Сон.

— Что, но?

— Мы летим в Корею, не для того, чтобы отдохнуть, мы летим по работе! — отвечаю я, и понимаю, как мой голос унывает.

— А что, за работа, Нина? Если не секрет, — и вдруг

его взгляд становится совершенно серьезным, будто что-то очень важное он от меня и ожидает.

— Мы летим снимать рекламу с... — как же опростоволосится, как же не опростоволосится, ведь я забыла имя той знаменитости, с которой или с которым, мы собираемся работать. Это же непростительно, не только в плане работы, но и этики. Не ответственный я все же человек, но надо, надо как-нибудь выкрутиться, нельзя ни в коем случае, показаться невежественной, нельзя, — имя его, нам велено держать в секрете.

Ох, пролетело, ох выкрутилась, хотя пришлось прибегнуть к лжи.

— Ясно! Стратегия маркетинга! — задумчиво говорит он, и видимо, уже знаком, с таким ходом дел. Ведь очевидно, что сферу шоу-бизнеса, чтобы ты не делал, вкрадывается любая реклама, как навязчивая муха, вкрадывается на пир. Да и он сам, можно сказать смело, ходячая реклама!

— Так что, как понимаешь, дел невпроворот, — говорю я и извиняющейся развожу руками.

— Дела подождут, любое дело подождет, но наша, беспросветно проходящая жизнь, у которого нет никакого стоп-крана, не щадящая ни нас, ни наши чувства, никогда и ничего не ждет! И если дела и заботы крадут наше все, то и мы вправе украсть, хоть что-то, от жизни!

Ничего романтического, я не слышала с тех пор как закончила школу. И нет ничего что сильнее, здравого смысла, ко-

торый острее любого ножа.

— Мы сейчас и в самолете работали, и в аэропорт мы прибыли после работы! И сейчас, когда приземлимся, тоже будем работать. — самоотверженно заявляю я, смотря на него и думая про себя, как же он красив.

— Так ты не одна? — спрашивает он, многозначительно кивая в сторону эконо класса.

— Нет, со мной моя коллега, Анна! — отвечаю я.

— Ох, я то думал, что ты и только с этим, — а потом указывает на свой салон бизнес класса, — огурцом-то и летишь!

— Нет, нас трое! Я, Анна, и Джим, не струганный огурец! Наш босс, как ты уже наверное догадался, вменяемость которого, подлежит сомнению, — заключаю я, и вижу почему-то, как проясняется его лицо. С чего же он так, думаю я, хотя бог знает, что и у него может быть в голове.

А потом, вдруг, внезапно в моей голове, возникает такой вопрос, что невольно заставляет меня мучаться от предположений и неясностей. Он же знаменит, известен, как оказалось, и у него наверняка уйма поклонниц, которых и не сосчитать и не высчитать. И наверняка у некоторых из них, чье количество, допускаю, тоже не мало, самооценка на уровне маститых динозавров, а самоуверенность и вовсе зашкаливает где-то там в стратосфере.

А я что? Ничем особо не примечательная, обычная девушка, из обычной семьи, где как и в других обычных семьях, никто умом особым не выделился и не выделится, и

из той семьи, где смекалка никак не оторвалась от уровня, обычного примитивизма. И наконец, я из той семьи, где не найдется, богатого или сверхбогатого родственничка, который в ближайшее время отдаст богу душу, и оставит случайно нам, счет в банке, нули которых не сосчитать, без запятых. И да, для нас, для людей обычных, многое шикарно! Икра, черная и красная, шикарна, и я даже не знаю, в каких магазинах она продается, а если и продается, то кажется мы в такие магазины и не заглядываем, трюфели, которые находят с помощью свиней, каких-то там пород, которых я и в помине не видела, и даже если увижу, и в голову не придет, что это самый дорогой деликатес, если не один из самых дорогих деликатесов. А о том, что, слететь в Канаду, я и вовсе промолчу, потому что слететь туда, все равно, что слететь на Марс. Так что, не надо мечтать, надеяться и ждать. Но, он так привлекателен и у него такая обаятельная улыбка...

После, мы еще немного разговорились, почему-то о каких-то пустяках и о каких-то незначительных вещах, и перед тем как обратно вернуться в свой бизнес класс он из кармана своих черных брюк, вытаскивает листок и протягивает мне. На листке написан был его номер.

— Нина, звони мне в любое время! Я с нетерпением буду ждать твоего звонка, — с легким содроганием в голосе говорит он, отчего мое сердце просто замирает. Неужели, я ему понравилась? Я обычная девушка, живущая обычной жизнью, и не имеющая вообще каких-либо перспектив. И он это

прекрасно осознает. Боже, я и вправду лечу, рай!

— Сон, у тебя тоже, наверняка, нет свободного времени?

Вот это вышла осечка! Вот я промахнулась! Все насмарку! А ведь шло все идеально. Я делаю вид, что не знаю про него ничто, а он делает вид, что и вовсе не звезда мировой величины!

— Так ты узнала, как меня зовут? — и я вижу, как в мгновение вспыхивает его взгляд, а на лице играют желваки.

— Да... я... всего лишь... только что узнала... — мой голос предательски задрожал, сердце забилося, словно в клетку размером о кулак посадили сотни диких птиц, а колени подкосились так, что я просто перестала чувствовать твердую поверхность под ногами.- Ты что-то вроде знаменитости? — вот что выпаливаю я!

— Допустим Нина, меня узнают в некоторых узких кругах, — скромно бормочет он и я вижу как его щеки заливает багряный румянец.

— Под «узкими кругами» ты имеешь в виду весь честной свет? — скрестив руки на груди, пялюсь я на него.

— Если учесть что ты обо мне ни сном не духом, то нет, до уровня мировой звезды я еще не дотянул, — парирует он.

— Да, брось! Кажется, только я и не знала тебя! Хотя, поверь мне, я все новостные каналы листаю всегда и безостановочно!

— Ну если я убил кого-то или взорвал что-то, то да, ты бы меня знала!

— Странно, что тебя до сих пор звездная болезнь не подкосила? Обычно редко кого она не задевает, — всплеснула я руки, пытаясь разглядеть в его глазах цвета жженой карамели, хоть один намек на снобизм.

— Ты знаешь Эйнштейна? — вдруг спросил он с видом сурового знатока.

— Ну да! — Мы с ним каждую пятницу рубимся в GTA, хотела бы я сказать, но все же не сказала.

И вместо того чтобы что-то сказать или выдвинуть что-то в духе научного эссе, этого я и ожидала, ведь был упомянут великий ум, он просто высовывает язык и косит глаза к носу, будто намек на ту самую знаменитую фотографию на того самого знаменитого ученого. И ладно ученые, им прощительно, все же как-никак ум у них велик или очень велик, но Сон то, парень обычный, как мне кажется.

— Прекрати! — смехом взрываюсь я, — так тебя ни одна фанатка не узнает!

Он самодовольно ухмыльнулся.

— Значит, есть шанс надеяться, что человеческий облик, пока еще не покинул меня!

Оказалось, Анна меня ждала и как оказалось, впрочем, весь салон тоже. Не уж-то бортпроводница причастно, к такому повышенному вниманию к моей скромной персоне? Хотя, нет! Когда я покидала отсек, Сон все еще находился там, и конечно не заметить его, это все равно, что не заметить

Солнце днем! В итоге почтенная публика провожала меня такими взглядами, будто я только что посягнула на что-то святое. И не знаю, как я прошла на свое место, но прицел из негодующих глаз так и выжигал во мне дыры, во всех местах! М-да, Сон и вправду известен! Но как горели глаза Анны, так кажется, ни одна лампа не горит! Видимо, только меня во всем белом свете обошло все, что касается Сона, или кое-где я здорово ослепла, и в придачу оглохла. Под пристальным надзором всего салона я отчаянна сползла на свое кресло, будто ничего и не случилось, но Анна, моя большая подруга вцепилась в мои руки и с пристрастием перешла к вопросу:

— Почему так долго? О чем вы говорили? — ни учитывая ни громкость своего голоса и ни то, что почти весь салон состоял из корейцев, Анна просто атаковала меня, словно клещ атакует любителя грибов в самый сезон.

— Да, погоди ты! — зашипела я. — На меня и так косо смотрят, хочешь, чтобы от меня еще и живого места не осталось? Хочешь, чтобы нас депортировали в воздухе, прямо сейчас?

— В это я просто не могу поверить! Как же это здорово, Нина! — неистовствовала Анна, не обращая внимания, на то, что и на нее весь салон тоже смотрит. — Ты познакомилась с настоящей звездой!

Все еще улавливая взгляды пассажиров и видя неописуемый восторг Анны, я бы сказала, что Сон не просто звезда, он суперзвезда!

— Это, здорово! Нет потрясающе! Вот это класс! — чуть ли не вопит Анна.

И до меня тотчас же доходит, что надо ее, немедленно унять. И если я с ней справлюсь, то вряд ли я справлюсь со всеми пассажирами. Ведь все они, кажется корейцы, а Сон — мечта, доброй половины Кореи. А уж если Анна раньше времени узнает, что Сон вдобавок дал мне свой номер телефона, то вероятность того, что мы живыми долетим до Кореи, весьма мала!

— Он дал мне свой номер! — ответила я, но после того как Анна мужественно выдержала неуместное молчание с моей стороны, длиной так минут десять, если не больше.

— Он неспроста, дал тебе свой номер! — протянула Анна, в чьем голосе я уловила неприкрытую обиду, за мое затянувшее молчание. — Вот если бы я на него свалилась, то получила бы скорее, номер его адвоката!

— Не драматизируй, Анна. Это было обычное проявление... гостеприимства! — я попыталась почему-то оправдаться.

— Гостеприимство, хм... не думаю, что все фанатки го-стили у него! — сухо отвечает Анна, и видимо ее здорово задело.

— Ты думаешь... я могла ему понравиться? — робко спросила я.

— Нет, Нина не могла! Ведь у тебя же шесть ног, десять рук, и три головы! А теперь подумай, кому такая понравить-

ся?

Не знаю почему, но я всегда считала себя невзрачной, хотя и поводом назвать себя уродиной, не находила никогда. Каждый раз, сталкиваясь со своим отражением в зеркале, я всегда призадумывалась, бледная, вроде нет. Слишком посредственна? Тоже нет. Нет и мягкости в чертах хотя и скулы невыразительны, лишь подборок очерчивается слегка вытянутым овалом. А вот глаза, они совсем другие, сказала бы даже, слишком выразительные. Что не стоит над ними и суетиться, дабы выделить их, и благо природа одарила меня пышными ресницами, взмахни тушью пару раз, и я уже человек. Да и современные тренды я обхожу стороной, тюнинг лица слишком затратное дело, и требует она долгосрочных инвестиций, которых у меня и в помине нет. А на утку, я кажется и так похожа, если не выплусь как надо!

— У него столько, наверное поклонниц, что и не сосчитать!

— Поклонниц, может быть и много Нина, но тех, у кого есть его номер, поверь мне мало! — сказывается все же, опыт Анны в сфере рекламы, где она повстречала много звезд и знаменитостей. И как говорит моя лучшая подруга, если знаменитость или известный человек, заговорит с простым, смертным, то и он тоже, далеко не ушел от простого смертного.

— Анна, ну посмотри на меня! Среди его поклонниц, наверняка немало красавиц! И каждая из них, просто таки и

мечтает о нем, а я обычная девушка, из обычной семьи. Мне не конкурировать с такими красавицами!

— А он что, конкурс объявил?

— Нет! — открываю я рот изумленно.

— Тогда в чем дело? Если он дал тебе свой номер телефона, значит, он хочет говорить с тобой, значит он будет слышать, что ты будешь говорить! Нина, Нина, нельзя быть такой наивной!

— А может быть он... — голос мой поник, и я хотела сказать что он и вовсе, что-то другое имел в виду...

— Нет, не может! — ответила молниеносно Анна, прекрасно поняв, что я имею в виду, — красавиц много, а паскуд еще больше.

— Анна, ты невероятна!

— Я объективна! — сонным голосом заявила Анна, поправляя подушка, — а теперь, позволь я посплю. И ты тоже будь добра поспи! И не сравнивай пожалуйста себя со всеми мартышками, чей кругозор ограничен лишь периметром чужого кошелька.

— Анна, вообще я отношусь с пониманием тем, кого ты нарекаешь мартышками. Ведь для них толщина чужого кошелька — единственное мерило успеха в жизни. Стать успешной, не так то просто, если природа обделила тебя не только талантами но и красотой. А может и вовсе детские травмы не дают покоя — хотела было возразить я, но Анна пробормотав, кажется и вправду собралась уснуть.

— Детские травмы не лечатся ботоксами и филлерами! А успех приходит, лишь в том случае, если ты уже изначально успешен!

Двенадцать лет работы в рекламной индустрии, оставили глубокий отпечаток в сознании Анны. Ведь как не говори, с людьми работать очень трудно, а с успешными трудно вдвойне, если не больше. Каждый раз, сталкиваясь с какой-нибудь знаменитостью, Анна, почти каждый раз в ней и разочаровывалась. По словам Анны, им много что не нравилось или же многому чему они были равнодушны. И как заметила Анна, что ни одна из знаменитостей, по истине, не была счастлива. Хотя чего еще надо, если на тебя ровняются миллионы и миллионы хотят быть похожими на тебя? Снимаясь в очередной рекламе, известные люди, то и дело думали, что о них подумают другие, что могут сказать о них другие. А Анне это казалось вполне себе, несурзным. Зачем думать о том, что другие скажут о тебе, ясное дело, что хорошее им все равно и в голову не придет.

Несколько часов удалось нам поспать, а весь последний час заняла суматоха. По мере приближения к Сеулу я чувствовала, как сердце буквально колотится внутри. Ведь это моя самая первая дальняя поездка, я впервые выезжаю за границу. Когда я сообщила об этом родителям, то и вовсе не ожидала, что они так сильно разволнуются.

— В Корею? Это же другой конец земли! — от неожиданности воскликнула мама, округлив глаза до размеров диско

шара. — Нет, я рада, конечно... Но все же, там все другое! Другая жизнь, другие люди, палочки вместо вилок...

— Нина, доченька, не бери в голову, что говорит мать, — из своего кабинета величественно словно дервиш вышагивает любимый папа, у которого невозмутимость была самым главным оружием в арсенале, ибо чрезмерная опека мамы, пробивала все границы здравого смысла. — Езжай в свою Корею, тем более раз с тобой Анна. И тем более не будет ли легче вдвоем отбиваться от местных k-рор айдалов. Вы молодые еще. Вам стоит посмотреть мир!

— Спасибо папочка! — я затискала отца в крепких объятиях, что в ответ как привычно, он чмокает меня в макушку.

— Ну, да, ну, да, волноваться, видишь ли, нельзя! — когда-то мама мечтала стать актрисой, и видимо ее мечта все еще остается с ней. Опускаясь в кресло, она театрально заламывает руки, и скорбно произносит — дорогой тогда в будущем будь добр, не удивляйся тому, что твоей родней могут станут Джеки Чаны.

— Дорогая, Джеки Чан, умен, богат и знаменит. При таком раскладе и я не отказался бы от такого Джеки Чана! — спокойно и размеренно отвечает отец и тоже усаживается в кресло напротив.

— Мам, пап, не гоже вам ссориться из-за ерунды. Корея, не красная точка земли, все же как никак, развитая страна!

— Милая, — хлопая огромными глазами, обращается ко мне мама, причмокивая свое утреннее кофе, — наличие ин-

тернета и дорам, еще ни о чем не говорит. И вообще, кто знает, что за народ, эти корейцы?

— Дорогая, — отец поднял взгляд в котором читалось вселенская невозмутимость приправленная дзенем, — я тебя люблю, это бесспорно. Но благодаря корейцем моя любовь к тебе стала еще крепче и судя по всему еще и дороже.

— Что, что ты хочешь сказать? О чем это он, Нина! — завертелась мама, словно нашкодившая школьница.

— Он про доктора Кима, мам! Он же кореец! — вздохнула я.

— Что? Мой пластический... то есть, выдающийся доктор Ким кореец? — изумилась мама.

Хорошо что, на мамино счастье папа юрист, а то бы была бы папина жизнь чрезмерно «веселой» — подумала я.

— Дорогая, корейская пластическая хирургия — это передовой край науки, — спокойно произносит отец, — впрочем как и много что. Половина гаджетов в нашем доме, как и наш холодильник и микроволновая печь произведено на этом полуострове. Как и машины твоего брата и кухни Джил. И не удивлюсь что есть люди, которые уже молятся на Сеул.

— Дорогой! — ахнула мама, кокетливо выпрямившись в кресле и кажется она не поняла много чего, — ты никогда не говорил что знаешь корейский!

Папе нечего было сказать, как и мне нечего добавить, кроме как иронично пожать плечами.

После того как в иллюминаторе начали вырисовываться черты города, оказавшегося, к моему удивлению, просто огромным, я поняла, Корея и Сеул еще на раз удивят меня. Выстроившись в переходе, мы постепенно начали покидать салон. Пассажиры бизнес-класса, как следовало ожидать, вышли первыми, а телефон Анны, тем временем разрывался от непрерывных звонков.

— Анна, где вы? — буквально рычит с трубку Джим.

— Мы все еще в самолете! — отвечает Анна и зажав динамик, теснясь ко мне, шепчет, — вот урод, он уже в баре!

— Сказала бы, что хвост самолета, ничем не отличается от любого хвоста!

— Ясно! Пожелаю ему приятного аппетита! — закатывает глаза Анна, и ее ресницы длиной в пол экватора, взмывают вверх.

Свежий ветер с востока тут же ударил в лицо, едва мы вышли из салона. Спускаясь по трапу, мы с Анной мгновенно растворяемся в потоке пассажиров и уверенно несемся в сторону терминала. Преодолев громадные стеклянные раздвижные двери, мы очутились внутри главного здания аэропорта, где нас встречает оглушительный гул пассажиров и монументальный ослепительный зал из белого мрамора. Под высокими сводами, в лучах бьющего сквозь панорамные окна солнца, хаотично сновали сотни людей, вновь прибывшие туристы с ручной кладью, деловые люди в костюмах и мест-

ные жители, встречающие и сжимающие таблички в руках.

Мы с Анной пробиваемся к зоне выдачи багажа, где вокруг ленты уже выстроилась плотная стена из пассажиров. Кольцо механизма со скрипом пришло в движение, выкатывая первые чемоданы. В этот момент, Анна вытягивает шею и резко толкает меня локтем в бок.

— Пак тоже здесь, он уже встретил Джима! — говорит мне Анна.

— Надеюсь, этот Пак не окажется таким же занудой как Джим, — ворчу я и вижу, как на ленте появляются черед наших бесчисленных чемоданов, — еще одного душниту я физически не вытерплю.

— Одной занудой больше, одной занудой меньше, это все равно ничего не изменит, — негодует Анна.

Она, Анна, беря чемоданы не только свои но и Джима, впрочем так же поступаю и я, мы понимаем что чемоданы Джима невероятно тяжелы, будто в них, ей богу булыжники. А одна из них, черная с ремнями по сторонам и вовсе весит полтонны, если не тонну, и в придачу цвет этого чемодана чернея самой ночи, что не скажешь о длине, которая так и нарывается на то чтоб назвать ее... последней инстанцией. Хотя учитывая скверный нрав Джима, можно найти объяснение таковому, право же если есть кровопийцы орудующие по ночам, то кто сказал что нет кровопийц орудующие под палящим Солнцем.

Джиму противопоказано носить тяжести, он однажды

неудачно упал с лошади, во время съемок, демонстрируя очередной хорошенькой модели, свой, как он думал, нескончаемый порыв молодости. Но даже если он считал себя молодым, то как оказалось кости думали иначе. Ему пришлось перенести операцию, а потом долго и мучительно восстанавливаться. Что конечно же, отразилось скорее на нас, чем на нем самом, все же как никак, надо же отыграться на ком-то, за свою горькую участь.

— У меня прекрасные новости! — торжественно объявляет Джим, поглаживая свой безупречный дорогой костюм, удивительным образом не помятый ни в самолете, ни во время полета, ни по дороге в бар.

Мы вошли в полупустой бар аэропорта, где в воздухе витал аромат кофе, ванили и сливок, что аж, и перекусить захотелось.

Пак, который уполномочен был встретить нас, оказался мужчиной невысоким, коренастым и в меру упитанным. И тут же расплывшийся в очаровательной улыбке, он галантно протягивает руки, намереваясь перехватить наши уж очень тяжелые чемоданы, но этому благородному порыву, в котором должно было как кажется проявиться истинное мужское достоинство, Джим дорогу не дает. Он решительно заблокировал Пака, отводя руки по сторонам, что казалось, будто он взлетит и взлетит вместе с Паком.

— Да, и какая же? — хмуро спрашивает Анна, а я в свою очередь и слово выдать не смогла, ибо пот лил с меня гра-

дом.

Анна тоже вся вспотевшая, оперлась о барную стойку, пытаясь перевести дыхание, как и я. И только потом придя в себя она обратила внимание на Джима, который почему-то выдерживал паузу, что кстати весьма на него и не похоже, видимо, новость и вправду хорошая, подумала я...

— Угадайте, кто только буквально пару часов назад... так согласиться, сотрудничать с нами?

В щедедушном лице Джима заиграла хитрая улыбка, и явно он наслаждался этим моментом, которого к сожалению увы мы с Анной разделить пока что не сможем, потому что согнулись буквально пополам, взвалив на свои плечи, не только свои баулы и баулы Джима, но и кажется весь тяжкий крест самого Джима. Но Джим, резко обернувшись к Паку продолжает:

— Обрадуем девушек?

— О... девачки... абрадуются! — на ломанном английском, не понимая толком что делать и кого слушать, выдавливает из себя Пак. Но к нашему невероятному удивлению, он быстро соображает и ухватывает все наши чемоданы, словно нет в них и ничего тяжелого и отходит в сторону, словно послушный страж.

Мы конечно же с Анной переглянулись, не знали сказать ли ему что-то или ответить что-то Джиму, а Джим ждал ответа, точнее предположений, которые мы должны были вроде бы изложить, и я в свою очередь, конечно хотела съязвить,

«Не уж то ли сам Будда?», ибо никто мне и в голову не приходил, и уверенна, что Анна тоже о подобном подумала, но мы оба решили ничье имя не называть и ничего не отвечать.

Так мы несколько секунд и таращились на Джима, как в том числе и Пак, все это время, дурацкая улыбка Джима так и не сошла с его лица, давая нам повод, слегка усомниться в его преждевременной радости. А потом спустя еще несколько секунд мы поняли, он не шутит, с нами и вправду будет работать мировая знаменитость.

— И чье же имя сейчас прозвучит? — глядя исподлобья застыла в ожидании Анна.

И вдруг меня просто обдало кипятком — я внезапно почувствовала, а не может ли это быть Сон? Нет, не может! Сейчас я намертво свалюсь, если это и вправду Сон, та знаменитость, которую захотел заполучить Джим.

— Барабанная дробь девочки! — абсолютно нелепое что-то по воздуху выдает Джим и звучно объявляет — представьте себе это Сон! Одна из главных, если не самая главная звезда Кореи. Мировая знаменитость.

У Анны отвисла челюсть, а я вовсе впала в ступор. Мы все вчетвером, застыли у бара, не в силах вымолвить ни слова добрую минуту.

— Это и вправду хорошая новость! — наконец откликнулась Анна. Она выпрямилась во весь свой немалый рост, Анна была заметно выше Джима.

— И какая звезда упала сегодня, раз наши желания сбы-

лись? — на радостях под нос бубнит себе Джим, все еще не сводя свою мерзкую улыбку.

— Да! Какая звезда упала? — Анна упрямо уставилась на меня.

— А есть вероятность, что гравитация дала сбой?

— О чем это ты? — затуманенный взгляд Джима обратился в мою сторону.

— Нина имеет ввиду, что если словить что-то трудно, то весьма вероятно получиться это благодаря гравитации! Законы физики, знаете ли!

— Ничего не понял! — отпрыгнул Джим громко.

Радость охватила Джима от пят до головы, и кажется и за нас тоже Джим радовался. Потому что я была в смятении, а Анна и вовсе, долго не могла в это поверить.

— Не кажется ли тебе, что он из-за тебя согласился?

— Я хотела бы сказать, что сомневаюсь, что это как-то связано со мной...

— Но не можешь!

— Да не могу! Как и не могу понять, откуда может у меня взяться, сокрушительный шарм?

Я готова была плюхнуться лицом о барную стойку, дабы не допустить, чтоб мой разум слетел с катушек. Ведь влюбленность для меня сопоставима с бедствием вселенского масштаба. И если можно в каких-то ситуациях позвать на помощь, вызвать спасателей, опереться на родных, то любовные перипетии требует слишком многих жертв, что в конце

можно, как кажется и рассудком тронутся.

— Боже, кому-то влюбленность дарит крылья, а кому-то колодку тормозную, — не успела всплеснуть руками Анна, как в тотчас же завопила, — а вот и он!

Сколько же людей окружило его — не счесть. Толпа шла за ним по пятам. Хорошо что суровая охрана была на чеку, а то бы его растащили бы на сувениры вместе с пуговицами. И мы четверо как замороженные, ждали его, в полупустом баре. Джим резко выпрямился и пригладил одежду — казалось, он даже протрезвел от страха, Анна, кажется, вовсе перестала дышать, а я... а я мысленно прощалась со своим разумом.

Я вся дрожала от волнения, он шел прямо в наш бар! И казалось, вновь с ним заговорю, если конечно не встрянуть в наш разговор, хотя, впрочем, учитывая толпу фанаток за его спиной, я вряд ли и рта раскрою.

О боже, я вся дрожу и чувствую как отказывают все мои конечности. Несколько шкафоподобных охранников оцепляют бар, оставив свиту снаружи, когда Сон заходит. И среди этой толпы безумных девчонок, я умудрилась заметить парочку вполне себе мужественных парней. Судя по их суровым лицам, притащили их сюда явно не подружки.

«Сон! Сон! Сон!» вопли фанатов докатывались даже до нас. Сотни горящих глаз были прикованы исключительно к нему. Нас же толпа упорно игнорировала, словно мы блеклые листовки, брошенные в ветер. Но что же касается самого Сона, он выглядел весьма уравновешенно.

— Как же они тебя любят! — просто выскакивает Джим навстречу, протягивая свои жиденькие ручонки Сону. — Рад, знакомству, Сон!

— Я тоже рад познакомиться с вами, Джим! — отозвался Сон в ответ пожав руки.

И после Сон, тут же протягивает руки к Анне. Анна которая, кажется уже пришла в неопиcуемый восторг.

— Думается мне, вы и есть та самая Анна? — с мягкой улыбкой встречает Анну Сон.

— Да, это я, собственной персоной! — буквально так тает в блаженной улыбке Анна.

— Очень надеюсь, что наша страна не разочарует вас — и вы получите истинное удовольствие, путешествуя, ну... или работая... — на последнем слове он делает жирный акцент, и хитро смотрит на меня.

— Я тоже на это, уж очень надеюсь! — протянула Анна и, кажется, окончательно растаяла.

А потом он подходит ко мне:

— Нина, вот мы и снова встретились!

— Д-да! — мой язык мгновенно каменеет, а тело буквально становится неподвижным, а глаза мечутся, не зная, на ком же сфокусироваться. Меня охватывает паника. Джим изо всех сил хмурит брови, пытаюсь о чем-то догадаться, Пак почему-то застывает подобно обелиску, а Анна и вовсе головой уходит в перманентный восторг.

Нужно было срочно выдать что-то членораздельное. Ина-

че, я рисковала окончательно закрепить за собой статус амёба подобной, способное лишь на невнятное бульканье.

— Думаю, мы встретимся еще не раз! — бодро выпаливаю я. Затем, собрав все остатки храбрости в кулак уверенно иду на лобовую — ты согласился сняться в рекламе из-за каких-то намерений или... или у тебя были какие то сомнения насчет контракта?

— Сомнений не было. Были опасения, — отвечает он, не задумываясь.

— Какие опасения? — удивленно развожу я руками.

— Только плохой продукт требует рекламы. А хороший товар, продаст себя и так.

Ого, такого я не ожидала! Вот это вызов!

— Раз ты так считаешь, то что тогда подтолкнуло тебя дать согласие? — я просто начинаю сгорать от любопытства.

— Просто я выставил свои условия! — спокойно отвечает он, а затем на его губах появляется загадочная улыбка.

— Сколько, сколько мы ждали того благословенного момента, чтобы звезда... нет величина мирового масштаба снизошла до таких простых работяг как мы... — Джим широко развел руками, словно пытался обнять и Сона и самого себя. Сон в свою очередь конечно немного смутился, но постарался не подать виду, и Джим продолжал заливаться соловьем, — ведь это же великолепно, мы дотянулись до не постижимого, правда ведь девочки?

Мы с Анной синхронно и невольно кивнули, за нами как

потом оказался, кивал и Пак. В нашей неписаной корпоративной конституции четко значилось, любая словесная бравада Джима, даже если это звучало абсурдно по самые некуда, должна была сопровождаться исключительно безмолвным кивком головы. Вступать с ним в диалог на пике его вдохновения — сулила нам, огромные неприятности.

— Вполне, возможно! — милая улыбка проскальзывает по его лицу, и я вижу, как он смотрит на нас с Анной.

В его взгляде читается не просто вежливость, а истинная скромность, от которого у меня пробегает дрожь. И я тут же даю себе слово, как только поселюсь в отель и окажусь в своем номере, то досконально все про него узнаю. Пошарю весь интернет, посмотрю все профайлы с ним и даже прочту все комментарии. Мой внутренний голос просто кричал об этом.

— Как насчет завтра. В обед?

— Да, можно и завтра, как раз я свободен в это время! — его обворожительная улыбка все еще не сходит с лица, — Джим, так я вышлю адрес по имейлу?

Он делает плавный шаг назад и кидает прощальный след в нашу сторону.

— Так что, до завтра, Анна, Нина!

— До завтра! — синхронно звучат наши голоса с Анной, и в этот миг он разворачивается и легкой, уверенной походкой направляется к выходу. Как только стеклянные двери закрываются, Анна шумно выдыхает, хватая меня за плечо.

— Нина, ты это видела? — шепчет она едва сдерживая восторг. — Он же глаз с тебя не сводит. А голос, его голос, боже... ночью я сегодня не усну.

— Откуда он вас знает? — в Джиме проснулось то ли профессиональное любопытство, то ли запоздалое заключение.

К счастью, нам удалось оперативно перенаправить его внимание на две главные страсти в его жизни, деньги и реклама. Сработало идеально. Местный масштаб рекламы парализовал его, как впрочем, и нас. Вывески здесь были буквально на каждом сантиметре, и каждая сияла так, что резала глаза. Наверное, подумала я, ночной Сеул и вовсе напоминает калейдоскоп безумных огней.

— Надо бы у них поучиться... — замороженно бормотал Джим, строча своим угловатым почерком что-то в свой блокнот.

Мы не спорили, просто кивали в ответ.

Далее мы с Анной носами уткнулись в боковые зеркало, каждая в свое, — лишь Пак, что-то отвечал Джиму, строго блюда правила дорожного движения.

— Девчонки, Пак вам приготовил отличные номера! — держась за лацканы своего удивительно не мнущегося пиджака, хозяйственно воскликнул Джим, выходя из машины.

— Мы тебе верим! — хором ответили мы как можно вежливее.

— И да, кстати, сегодня вечером вы свободны! Нам с Пакком предстоит обсудить концепт нашей рекламы, раз планы переменялись. Так что дел будет много, — вскинув подбородок, Джим шаркая направился к входу в отель.

— Спасибо! — снова хором взорвались мы с Анной.

Меж тем как Пак к нашему глубочайшему удивлению, проявил навыки истинного... даже не знаю кого, возможно человека все знающего, он раздобыл где-то тележку, филигранно разложил весь наш багаж, и уже успел сдать его местному портю, пока мы провожали глазами Джима.

— Девачки! — окликнул нас Пак, когда мы едва не переступили порог отеля.

— Что? — синхронно обернулись мы.

— Вы можете отдохнуть да самава абедя, я гарантирую, что дел у нас будет много!

— Ты заставишь Джима, заново пересмотреть концепцию, — предположила я осторожно.

— Нет, зачем? Я просто предложу другую, — невозмутимо ответил Пак.

— Но Джим этого не потерпит! Этот человек слышит только двух людей, самого себя вслух, и самого себя, в своей... мудрёной голове. И поверь мне, они оба с ним полностью согласны — от удивления восклицаю я.

Анна закатила глаза, видимо ей стало все уже очевидно, нежели мне.

— Наивное ты дитя, Нина — вздохнула Анна, — Пак про-

сто хочет, чтобы мы хоть немного пришли в себя, да и к часовым поясам привыкли.

— Пак! Да вы просто гений! — радостно воплю я.

Еще до того как наша машина остановилась, я заметила, что отель расположился на зеленой окраине Сеула, в тихом районе у подножья огромного парка. С виду он напоминал скорее виллу, чем отель. А может это когда-то и была вилла, где жила знать. Здание прекрасно сохранило свою аутентичность, а фасад с фактурами серого кирпича идеально вписывался в окружение.

Настоящий портал в прошлое ожидал нас, едва мы очутились внутри. Низкая мебель на тонких ножках, латунные светильники по углам, и вычурная геометрия в палитре сочно приглушенных красок на обоях.

Отель оказался очень маленьким, всего 10 или 12 номеров, что к нашей радости исключало шум и суету. Я почувствовала, что здесь царит какая-то кинематографическая атмосфера. Если бы я снимала рекламу, то точно бы выбрала это место, для какого-нибудь детективного нуара. А впрочем, что помещает убить нам Джима?

— Ты только посмотри на это! — Анна с размаху толкнула тяжелые деревянные створки.

Из окон нашей комнаты открылся умопомрачительный вид и в тот же миг хлынул прохладный утренний воздух, плотный, сладковатый, заполняя весь наш номер.

И вправду, огромные, от пола до потолка, окна открыва-

ли панораму, которую трудно было описать словами. Густой лес тянулся до самого горизонта. Столетние дубы и сосны размеров исполинских слегка качались кронами. И казалось, будто там внизу, в тенистых аллеях, до сих прячутся чудные сказочные существа, которые уже много веков, населяли это парк.

— Это вид не испортят даже свисающие фонари! — говорю я и с легкой тоской опускаюсь на глубокую мягкую кровать. Белье, застеленное поверх высокого матраса, приятно хрустнуло — оно было свеженакрахмаленным, прохладным и пахло чистым горным ветром. Вся усталость разом улетучилась, уступив место покою.

— Давай, приведем себя в божеский вид и спустимся в буфет, — предлагает Анна, осматривая себя в зеркале, пристроенное к прикроватной тумбе, — нам надо, подкрепится, чтобы на танцы хватило сил.

— На какие еще танцы? — аж подпрыгнула я, от удивления.

— Ты что оглохла? Мы свободны до самого утра! Делай все что хочешь!

— Все что я хочу делать сейчас, так это спать! — парирую я и поглубже зарываюсь в подушку.

— Завтра на работе отоспишься!

— Разве на работе можно спать?

— Нужно! — отрезала Анна, а спорить с Анной это все равно, что выскочить из едущего автомобиля. Она если не

словами, то нескончаемым оптимизмом просто задавит тебя. И мне ничего не оставалось сделать, как уныло поднять руки и вверится планам Анны.

Анна была в душе, а я устало уткнулась в потолок, лежа в позе затухающей звезды. Хотя и навалившаяся усталость свила из меня комок желеобразного подобия, но любопытство все же взяло вверх. В конце концов, я потянулась к смартфону. Быстро вбив его имя в поисковик, я тут же нажимаю кнопку «Найти».

На экране мгновенно высвечиваются многочисленные статьи и череда картинок. Я привстаю и жадно начинаю скроллить ленту: «Прорыв года!», «Контракт с международным лейблом на миллионы долларов», «Мировое турне: как ребята покорили Южную Америку». А на одной из главных страниц висела новость покороче, оказывается они еще и в благотворительном марафоне ко Всемирному дню здоровья поучаствовали.

Да, Сон и парни из группы оказались чертовски знаменитыми, и судя по масштабам, их знали буквально во всем мире. В этот момент я почувствовала себя пещерным человеком, который только что открыл для себя огонь. Как это нужно было умудриться, чтобы проспать существование целой субкультуры?

Закусив губу, я стремительно перешла к картинкам. О боже, как же их было много, тысячи кадров, от профессиональных до фотосессий глянцевого. Но здесь и были размытые

концертные и любительские снимки. И случайные щелчки папарацци. На мгновение мне показалось, что на меня смотрел совершенно другой человек, а не Сон — красивый, недосягаемый и пугающе далекий.

Не знаю, сколько я сидела в телефоне, но не заметила, как Анна вышла из душа. Ловко ущипнув за плечи она словно коршун нависла надо мной.

— Попалась!

— Я просто, хотела узнать... — врать Анне было бессмысленно.

— И узнала?

— Да, узнала!

— А песни, его слышала?

— Нет, не успела...

Анна берет мой телефон и через пару секунд включает видео. С первых же нот я понимаю, эта песня мне понравится. Чистые, сильные голоса звучат в идеальном унисоне, мелодия подхватывает и ведет за собой, ритм приятно отзывается внутри, а само видео просто завораживает — каждый кадр сказочно красив.

— Ну что? — горящие глаза так и сверлят меня.

— Восхитительно! Просто восхитительно! Если в следующий раз Джим, снова будет сыпать комплименты, я тоже, пожалуй буду поддакивать ему, и буду делать это до тех пор, пока у меня язык не отвалится.

— Эй! Осторожнее на поворотах! — дьявольски сверкну-

ли глаза Анны.

Ей богу, иногда я искренне не понимаю, чего во мне больше, оптимизма или пессимизма. Порой бывает так, что я безмерна счастлива, радуюсь чему не попадая, а порой впадаю в такое уныние, что и танком меня оттуда не вытащишь.

На лифте вместе с нами спускались еще две девушки. Не берусь утверждать, были ли они местные или туристками, но их внешность буквально приковывала взгляд, и на их фоне, мы с Анной смотрелись, мягко говоря, не очень...

Моя большая подруга, казалось настоящим великаном рядом с ними, да и сама я таковой казалась. Они выглядели как ожившие фарфоровые статуэтки: изящные изгибы, безупречная, почти воздушная худоба, и невероятно тонкие талии, и при этом их идеальные кукольные лица и мягкие черты совершенно лишали их возраста — им можно было дать лет... не знаю сколько лет, им можно было дать...

— Неужели они здесь все такие? — едва слышно, скорее самой себе, озвучила я внезапно нахлынувшую мысль.

— Ты что, в комплексах решила утонуть? — закатывает глаза Анна, с глубочайшим вздохом, заметив мой уже унылый взгляд, в зеркальном отражении лифта.

— Анна, перестань пожалуйста! — вспыхнула я, поправляя сумку на плече.

— Слушай, а давай ты перестанешь сравнивать себя с ними, да и вообще с кем либо! — запротестовала Анна. — Ну

да, они красивые! В мире вообще полно людей, которые симпатичнее тебя, а некоторые о ужас, возможно даже умнее тебя. Если ты планируешь каждый раз впадать в уныние, при виде любой смазливой мордашки, то не запереться ли тебе в монастыре, до конца своих дней.

На зеркальной стене лифта монументально отразилось праведное возмущение Анны. Те девушки явно удивились такой внезапной вспышке ярости, они синхронно и с глубоким подозрением уставились на меня, видимо пытаясь понять, отчего сошла столь эмоциональная лекция.

— Извини, что испортила тебе настроение, — тихо шепчу я Анне, чувствуя себя виноватой.

— А ты извини, что я в тебя поверила! — сухо отрезает она.

— Так ты в меня, все же веришь? — я аж замерла на месте. Надо же, как я далеко умудрилась уйти от собственных сил, возможностей и даже здравого смысла.

— Конечно, верю. Если ты сумела стать подругой такого хорошего человека как я, — Анна гордо выпрямилась, — значит, в тебе тоже есть что-то хорошее. Пусть даже это хорошее очень тщательно скрыто и похоже на едва различимый блик в густом тумане.

— Анна, как же я тебя люблю! — я готова была задушить в объятиях мою лучшую подругу. И когда мы выходили из лифта, еще долго буравили нас глазами, те фарфоровые куклы.

За столь короткое время Анна мысленно успела сосватать меня за Сона. Не удивлюсь, если в своих фантазиях она уже нарядила меня в пышное белое платье, со шлейфом метров так десять и в прозрачную фату, о чем, конечно, я и подумать не успела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.